Е.Ю. КИСЛЯКОВА
(Волгоград)

ИНО-ОБРАЗ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ КАК ПРОБЛЕМА КОММУНИКАТИВИСТИКИ

Рассматриваются характеристики Ино-образа в структуре языковой личности в сопоставлении со смежными понятиями Я-образа, моего другого Я, Я Другого. Утверждается, что Я и Другой являются взаимопроникающими феноменами объективной действительности настолько, насколько они взаимодействуют в коммуникативной деятельности. Ино-образ является значимым компонентом коммуникативного акта: на его основе происходит формирование единого коммуникативного центра интеракции, а также становление всех возможных Я личности, которые складываются во взаимоотношениях с Другими Я.

Ключевые слова: *категория инакости, Ино-образ, взаимодействие Я – Другой, Другой-в-Я, единый эмоционально-коммуникативный центр.*

But if I am not the same, the next question is
"Who in the world am I?"
Ah, that's the great puzzle.

Lewis Carroll

В постнеклассический период науки складывается такое понимание Другого, при котором *инакость* приобретает большую значимость, нежели Я как субъект. По справедливому замечанию философа В.А. Кутырева, в форме afterпостмодернизма (которая иначе обозначается как трансмодернизм) видится экспансия Иного: мир лишается самости и рассматривается как материал для манипуляций [11].

Сегодня есть все основания полагать, что у современного человека представления о мире в значительной степени обусловлены не свободной творческой активностью, а социумом, последовательно навязывающим определенные идеи и намеренно тормозящим индивидуальную познавательную деятельность посредством различных видов дискурсивных практик (массмедийного жанра, в первую очередь). В трансмодернизме проблема идентичности заменяется на проблему идентификации (в сети Интернет, виртуальный дискурс), т. е. маркировки, отличения одного разговора от другого. Иными словами, человеческая личность сочетает в себе в той или иной степени личности всех взаимодействующих с ним индивидов, социальных групп, общества в целом (наиболее яркий пример представляет собой растворение личности в киберпространстве социальных сетей). В этой связи мы хотели бы указать на такую проблему *инакости*, как Ино-образ языковой личности и распознавание в своей самости собственно Я-образа, а также размывание границ идентификации и самоидентификации личности. Здесь мы сталкиваемся с целым рядом методологически значимых вопросов, определяющих логику исследования этой проблемы: насколько Другой представлен в Я? Если Я – это множественные отголоски других, то где среди них собственно Я? Как разграничивать Я-образ и Ино-образ человека и как эти сферы личности оязыковляются?

Чтобы ответить на эти и многие другие вопросы, связанные с данной проблемой, необходимо уточнить понятие Другого. В терминах Э. Левинаса Другой как принципиальное «не-присутствие» и «не-представленность» противостоит универсально данному с подчеркнутой одновременностью присутствия вещей. Изначально «инаковость» другого лица проявляется на логическом уровне коммуникации как часть целого *vis-a-vis* других, в пределах которого каждый выступает другим для другого [12].

Приведенное суждение позволяет нам описать *инакость* как некую среду, в которой мы живем, общаемся, как своеобразный эфир, который проникает в каждого из нас. Привычное видение Я и Другого как двух обособленных объектов мира действительного представляется некорректным, поскольку каждое индивидуальное Я вмещает (отображает вербально и / или акционально) в себя количество **n** Других в том соотношении, насколько эти Я и Другой соприкасаются в своей коммуникативной деятельности друг с другом.

Данная проблема является, в первую очередь, психолингвистической, а также этнопсихолингвистической. Выявление Ино-образа в структуре языковой личности может стать отдельным направлением указанных отраслей лингвистического знания. Как и любой другой объект научного познания, феномен Ино-образа должен описываться на основе опреде-

© Кислякова Е.Ю., 2017

ленных методологических принципов и с помощью соответствующего метода, установление которых формулируется как задача данного исследования. Кроме этого, вводимое нами в научный дискурс понятие Ино-образа должно быть дефинировано в сопоставлении со смежными понятиями, функционирующими в современной лингвистике: *Я-образ, мое другое Я, Я Другого.*

На современном этапе развития науки, в частности лингвистики, достаточно подробно проработана проблема самости, Я-концепции, Я-образа (см., например, [1; 6; 7; 8; 14]). В лингвистике одним из центральных является понятие говорящего субъекта, репрезентируемое концептом Я, наряду со словами *ты, здесь, сейчас*. В период становления когнитивной лингвистики Я укрепляет свои позиции. Я пассивное превращается в Я креативное, познающее, интерпретирующее. Я мыслящее и говорящее отражает в речевом потоке образ того мира, который его окружает и частью которого оно является. Таким образом, координата Я рассматривается в качестве необходимой основы для всего остального.

Например, известный психоаналитик К.-Г. Юнг отводит самости первостепенное значение, утверждая, что самость есть вышестоящая по отношению к сознательному Я величина. Самость охватывает не только сознательную, но и бессознательную психику, потому представляет собой личность, которой мы также являемся. Мы хорошо можем представить себе, что у нас есть части души. Например, мы без труда можем видеть самих себя в качестве персоны. При этом К.-Г. Юнг указывает на невозможность познать самость целиком, т. к. при этом часть должна бы была понять целое [16].

По справедливому замечанию философа П.С. Гуревича, никакое философское озарение не способно дать однозначную картину «человеческого», ибо природа человека не завершена и фрагментарна [5]. Тем не менее изучение отдельных проявлений личности необходимо, поскольку они как части складываются в общую картину абстрактного целого. Таким образом, самость всегда останется вышестоящей по отношению к нам величиной, в рамках которой можно выделить Ино-образ личности.

В современных гуманитарных дисциплинах общим научным местом является тезис о том, что развитие сознания индивидуума проходит на базе субъектно-объектных отношений с окружающим миром, отношений *Я–Ты*, познания себя через Ты. Но на более высоком уровне, на уровне самосознания, к индивидуму приходит способность увидеть Ты в Я, различить в себе способность к самоанализу, т. е. совместить наблюдающего, осознающего субъекта, мыслящего Я с Я наблюдаемым, Я-объектом анализа.

Идеи о способности человека к осознанному восприятию окружающего мира и себя как его части в виде ассоциативно переработанного образа перекликаются с идеями Г. Гийома, который пишет: «Человек живет в мире; он видит мир физически, глазами. Но он видит его взглядом человека только тогда, когда он увидел его в себе» [4].

Человек осознает себя через окружение, Другие помогают человеку выработать внутренне устойчивое представление о самом себе. Именно благодаря этому механизму развертывается социализация, а также происходит формирование собственного Я по лекалам другого человека и его индивидуальной коммуникативной компетенции. В этой связи З. Фрейд предлагает обратить внимание на условность всякой идентичности, воображаемый характер того, что новоевропейская метафизика лелеяла как самое важное завоевание человека – его автономное Я. По этому поводу имеется следующее научное мнение: существует не одно единое Я, а множество Я (не одна личность, но множество личностей, как настоящее Я, мое второе Я, искреннее Я и т. д.), каждое из которых является продуктом прошлого взаимодействия с другими людьми, включая прошлые интерлокутивные взаимодействия (см., например, [8]). В таком случае все «лики» моего Я являются собственно личностными, освоенными, интериоризированными, и в этом состоит отличие моего другого Я от Ино-образа в структуре личности, поскольку Ино-образ претендует на статус значимого чужеродного во мне, Другого-в-Я, являющегося мотивирующим компонентом для создания общего коммуникативного центра при взаимодействии друг с другом, что является методологической основой лингвистического исследования *инакости*.

Исходя из такого понимания Ино-образа, необходимо очертить рамки языкового материала и определить методику его анализа. Считаем целесообразным в рамках данной статьи остановиться на языковых примерах в форме диалогов, прямой речи, внутренней речи героев, а также нарративных фрагментах, в которых прослеживается взаимодействие коммуникантов. При сплошной выборке материала

необходимо руководствоваться методом контекстуального анализа для определения фрагментов с доминантным смыслом «влияние одного человека на другого». Для дальнейшей интерпретации отобранного материала применяется метод дискурс-анализа.

Как было упомянуто выше, Ино-образ – это то, что объединяет людей, дает им общий эмоционально-смысловой центр как залог более успешной коммуникации. В этой связи уместно вспомнить ступени образования самосознания по Г. Гегелю, среди которых важно выделить третью – всеобщее самосознание, узнающее себя в других самосознаниях и признающее себя равным им, как и они признают себя равными ему самому. Такое самосознание признает как свою самость, так и другие самосознания в себе, и таким оно признается ими [3]. Смеем предположить, что если в структуре личности не развито такое самосознание, не формируются Ино-образы других личностей, с которыми она вступает во взаимодействие, то они остаются отстраненными, непознанными Другими Я. Именно в силу этой отстраненности общение с Другим Я может быть потенциально конфликтным. Рассмотрим следующий пример:

I've come to the conclusion that the essential difference between book-writing and script-writing isn't that the latter is mostly dialogue – it's a question of tense. A script is all in the present tense. Not literally, but ontologically. (How about that, then? Comes of reading all those books about Kierkegaard) (David Lodge. *Therapy).*

Главный герой романа «Терапия» в кризисный момент своей жизни увлекается трудами философа Кьеркегора и настолько проникается ими, что начинает подражать его стилю жизни, самовыражения, а также разделять его суждения. Тем самым он перенимает образ Другого (Ино-образ), который формирует в герое новую ипостась личности, его другое Я, чуждое и непонятное окружающим, например, его жене, которая признается в этом в следующем пассаже:

The last straw was when I told him Jane had rung up to tell us she was pregnant – Jane's our daughter – and that she and her partner were going to get married, and he just grunted, "Oh yes? Good," and went on reading bloody Kierkegaard <…> Oh, I'm afraid I can't take this Kierkegaard thing seriously. I told you, Tubby's not an intellectual (David Lodge. *Therapy).*

Возникший в структуре личности главного героя Ино-образ гармонизирует (хотя и трансцендентно) общение с философом в форме внутренней речи, но его трансформация в новую личность приводит к коммуникативным неудачам в общении с близкими – его семейная жизнь завершается разводом. Языковая репрезентация Ино-образа в данном контексте эксплицитна – это часть текста, вынесенная в скобки *(How about that, then? Comes of reading all those books about Kierkegaard)*. Кроме этого, слово *ontologically* также символизирует голос Кьеркегора в голосе главного героя. Таким образом, Ино-образ является связующим компонентом между различными Я личности: мое другое Я осознается как результат воздействия кого-либо или чего-либо иного.

В следующем примере феномен Ино-образа раскрывается через доверительные взаимоотношения матери (миссис Тэллис) и дочери (Брайони) при совместном прочтении пьесы, автором которой является Брайони:

Mrs. Tallis read the seven pages of The Trials of Arabella in her bedroom, at her dressing table, with the author's arm around her shoulder the whole while. Briony studied her mother's face for every trace of shifting emotion, and Emily Tallis obliged with looks of alarm, snickers of glee and, at the end, grateful smiles and wise, affirming nods. She took her daughter in her arms, onto her lap – ah, that hot smooth little body she remembered from its infancy, and still not gone from her … (Ian McEwan. *Atonement).*

Из макроконтекста произведения известно, что творчество ребенка в семье Тэллис получало единодушное одобрение. В данном микроконтексте реакция матери добродушна и поощрительна в связи с главной идеей пьесы – ветреное увлечение молодыми людьми греховно и наказуемо, брак должен благословляться родителями. Это является своеобразной квинтэссенцией воспитания, которой Брайони руководствуется в своем миропонимании, и Ино-образ родительского Я в структуре личности Брайони раскрывается через ее антиципации восхищения и абсолютной поддержки матери (*with the author's arm around her shoulder the whole while, studied her mother's face for every trace of shifting emotion*). В повествовании слышен внутренний голос матери, которая осознает, что ментально и духовно Брайони еще часть нее, связана с ней как в младенчестве (*She took her daughter in her arms, onto her lap – ah, that hot smooth little body she remembered from its infancy, and still not gone from her*).

Согласно Э. Левинасу, один для другого – то же, что и другой для него, никакой выделенной позиции у субъекта нет. Другой позна-

ется в сопереживании как мое другое Я, как alter ego. Доведенное до абсурда, такое общение между Я и Другим становится невозможным [12].

Схожая мысль развивается в трудах Ю.М. Лотмана. Так, рассуждая о традиционной модели коммуникации (передающий – текст (язык) – принимающий), исследователь пишет, что идеально одинаковые передающий и принимающий хорошо будут понимать друг друга, но им не о чем будет говорить. Более того, модель идеального понимания неприменима даже к внутреннему общению человека с самим собой [13]. Таким образом, в нормальном человеческом общении и, соответственно, в нормальном функционировании языка заложено предположение об исходной неидентичности говорящего и слушающего, следовательно, уравнивание Я-образа и Ино-образа абсурдно и коммуникативно нерелевантно. Например, в романе М. Бланшо «Аминадаб» это иллюстрируется на примере странного дома, жители которого становятся взаимозаменяемыми (языковыми маркерами в тексте являются слова *penetrate, permeate one another / each other*), а их общение – неконструктивным, бессмысленным. Диалог персонажей позволяет расслышать эхо одной и той же речи, не имеющей ни центра, ни субъекта. Диалог как будто возникает между собеседниками, в промежутке между ними, в неместе, в пространстве блуждания и заблуждения [15].

Так, голос главного героя становится голосом другого, происходит передача коммуникативной инициативы и мена коммуникативных ролей (главный герой – второстепенный герой):

"You are right," said the young man. "It is time to leave. This time no one will come any more to explain why I am alone, among these leaf-covered trees, in this country that spreads before me like a desert. I must renounce the house; I will go."

Thomas understood that these words were meant for him; he had to submit to them… (Maurice Blanchot. *Aminadab).*

В приведенном примере имеет место замена местоимения *you* на *I*: фраза *I will go* должна пониматься как *you will go*. Главный герой сам себя не выражает, за него выражают себя другие. Следовательно, превалирование Ино-образа в структуре личности может приводить к коммуникативным неудачам.

Постулируя, что нет Я без Других, Ю.М. Лотман заключает, что в сознании человека Я и все Другие, кроме меня, складываются в нечто единое и конфликтное одновременно. С точки зрения социальной психологии в этом случае имеют место два основных явления – идентификация и индивидуализация. Если первое понятие раскрывает процесс отождествления одного с другим, опознания того качества, на основании которого личность может быть отнесена к какой-либо группе, то второе сопряжено с потребностью отличаться от других людей, чтобы не быть или не чувствовать себя в точности похожими на них [10]. Это часто отражается в художественной литературе. Рассмотрим частный пример.

Например, в рассказе Дж. Арчера *A Change of Heart* главный герой рассказа Штоффель, расист по убеждениям, попадает в автокатастрофу, в которой получает серьезную травму, и, как следствие, нуждается в пересадке сердца. По иронии судьбы ему пересаживают сердце чернокожего донора. С самого рождения Штоффелю прививалось отвращение к чернокожим гражданам ЮАР, никакому другому отношению к ним, кроме уничижения, он не был обучен: *No-one is born with prejudice in their hearts, although some people are introduced to it at an early age <…> Stoffel grew up accustomed to having black servants who were there to carry out his slightest whim* (Jeffrey Archer. *A Change of Heart*).

В итоге, получив второй шанс на жизнь благодаря сердцу негра, которое теперь бьется в его груди, Штоффель меняется как личность (*I've been so blind* – говорит он своей жене после того, как посещает жену погибшего черного мужчины, сердце которого спасло ему жизнь). Название рассказа *A Change of Heart* – это игра слов, которая также означает «изменение интересов, жизненных приоритетов». В душе героя появляется место для прежде чуждой культуры, чужих людей, иными словами, в структуре его Я формируется Ино-образ южно-африканских негров, к которым он начинает испытывать сострадание, у него возникает желание помочь. В результате Штоффель открывает спортивные площадки в бедных негритянских кварталах:

For four years, one month and eleven days, Stoffel van den Berg traveled to Crossroads every morning, where he would teach English to the children in what passed for a school.

In the afternoons, he taught the same children the skills of rugby or cricket, according to the season. In the evenings, he would roam the streets trying to persuade teenagers that they shouldn't

form gangs, commit crime or have anything to do with drugs (Jeffrey Archer. *A Change of Heart*).

Такое глобальное изменение в структуре личности героя, возникшее в силу эмпатического отношения к Другому, даже дало ему новую номинацию – *the Crossroads Convert* (новопросвещенный из городка Кроссроудс, что также может пониматься как перепутье, жизненный этап, когда необходимо принять судьбоносное решение). Новое сердце в рассказе является символом Ино-образа любого Другого негроидной расы, который стал частью жизни Штоффеля.

Мы полагаем, что Ино-образ как Другой-в-Я – это часть Я-образа, то, что человек добавляет в свой концептуально-когнитивный и коммуникативный опыт, в отличие от собственно Я Другого, которое емко определяется Э. Левинасом как то, что я не есть. Другой таков не в силу своего характера, облика или психологии, но в силу самого своего бытия другим. Очевидно, что межсубъектное пространство несимметрично, а сама другость – это невзаимообратимое отношение [18]. Именно поэтому Я Другого может быть отражено в структуре личности фрагментарно, в форме Ино-образа. Исследователь А.С. Корчак называет это «отношением к Другому», вошедшим в структуру личности, при этом характеризуя его как фундамент межличностной коммуникации, поскольку диалог – это главная составляющая человеческого существования [9].

Следуя концепции М. Бубера, которая заключается в том, что вся реальная жизнь – это встреча, мы также считаем, что личность формируется как таковая в отношениях «Я–Ты», а не «Я–Он», поскольку последние субъектно-объектные отношения – непрямые и невзаимные [2]. Именно через отношения «Я–Ты» Другой не позволяет Я повторяться. Поэтому человеческое сознание напоминает сцену, на которой что-то постоянно появляется и исчезает. К. Ясперс также отмечал, что переживание фундаментального единства Я может подвергаться заметным изменениям: «Ощущение того, что личность меняется, – писал Ясперс, – принадлежит к числу нормальных переживаний. <...> У человека появляется сильно выраженное – болезненное или доставляющее наслаждение, калечащее или окрыляющее – осознание того, что он стал другим, что он обновился» [17]. Такая трансформация личности может иметь место под влиянием Ино-образа.

Например: *It's extraordinary what a difference this quest for Maureen has made to my state of mind. I don't seem to have any difficulty in making decisions any more. I no longer feel like the unhappiest man* (David Lodge. *Therapy).*

В процитированном художественном контексте описываются преображение главного героя, его выход из глубокой депрессии, которая звучит лейтмотивом основной части романа. Оживление в памяти образа любимой девушки, которую герой в юности унизил и оскорбил, приводит его к осознанию причины своей депрессии и связанной с ней болезни.

Подобное оживление Ино-образа характерно для напряженных коммуникативных событий, в которых требуется принятие правильного решения, и ориентиром в этом случае будет Я Другого, пользующееся определенным авторитетом в той или иной группе людей. Язык как средство коммуникации помогает человеку в восстановлении Ино-образа с помощью такого грамматического средства, как сослагательное наклонение: *What would he say? What would my mother do in such a situation?* Ответы на подобные вопросы, которые приходят ментально, представляют собой вербализацию Ино-образа и являются ориентиром в поступках языковой личности, в структуре которой этот образ сформирован.

Подведем итоги. В современном понимании коммуникации категория *инакости* становится первостепенной по отношению к категории Я, ощущается растворенность Я в Другом, что приводит к постановке проблемы степени взаимообусловленности одного и другого. В частности, в данной статье выделен Ино-образ в структуре языковой личности и определено это понятие в сопоставлении с понятиями Я-образа, моего другого Я, Я Другого. Как показало наше исследование, Ино-образ является значимым компонентом коммуникативного акта, т. к. на его основе происходит формирование единого коммуникативного центра интеракции, а также становление всех возможных Я личности, которые складываются во взаимоотношения с Другими Я.

Уметь успешно общаться – значит уметь конструировать Ино-образ Другой личности. Как компонент когнитивно-образной сферы личности Ино-образ является результатом осознанного или неосознанного воздействия одного коммуниканта на другого. Ино-образ – это эмпатическая категория, поскольку «впустить» Другого в свою самость невозможно без попыток понять, прочувствовать его эмоциональное состояние. Это не просто представление о Другом, которое может быть как адекватным (соответствующим истинному), так и искаженным (ложным), ибо в таком слу-

чае мы имеем дело с образом Другого; Инообраз – это то, что Я говорящего перенимает у Другого и, скорее всего, будет преобразовано в новое Я личности. При этом нужно обратить внимание на этическую сторону данного явления, которую мы еще специально не рассматривали, но которая требует формирования соответствующих коммуникативных компетенций.

Список литературы

1. Бодалёв А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982.
2. Бубер М. Я и Ты / пер. с нем. Ю.С. Терентьева, Н. Файнгольда. М.: Высш. шк., 1993.
3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.3: Философия духа. М.: Мысль, 1977.
4. Гийом Г. Язык и его порождение // Принципы теоретической лингвистики. М.: Культура, 1992. С. 135 – 136.
5. Гуревич П.С. Проблема идентичности человека в философской антропологии // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 64 – 87.
6. Джемс У. Личность // Психология самосознания: хрестоматия. Самара, 2000. С. 7 – 45.
7. Кон И.С. В поисках себя: личность и её самосознание. М.: Политиздат, 1984.
8. Корепина Н.А. Языковая реализация функционально-семантической категории самости: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2009.
9. Корчак А.С. Проблема «Другого Я»: философско-методологический анализ: дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2003.
10. Крысько В.Г. Словарь-справочник по социальной психологии. СПб.: Питер, 2003. С. 81–82.
11. Кутырев В.А. Философия иного, или Небытийный смысл трансмодернизма // Вопросы философии. 2005. № 12. С. 3 – 19.
12. Левинас Э. Диахрония и репрезентация (Diachronie et representation): доклад, прочитанный Э. Левинасом 20.10.1983 в университете г. Оттавы (Канада) в рамках конференции «В поисках смысла», посвященной творчеству Рикера [Электронный ресурс]. URL: http://slovari.yandex.ru (дата обращения: 25.04.2011).
13. Лотман Ю.М. Культура и взрыв // Семиосфера. СПб.: Искусство СПБ, 2000.
14. Налчаджян А.А. Я-концепция // Психология самосознания: хрестоматия. Самара, 2000. С. 333 – 393.
15. Никишина Т.Ю. Проблематизация коммуникативной функции языка и столкновение модальностей текста // Новое литературное обозрение. 2011. № 108 (2). С. 523 – 531.
16. Юнг К.-Г. Личное и сверхличное, или коллективное бессознательное // Психология бессознательного. Минск, 1993. С. 103 – 114, 240 – 244, 246–249.
17. Ясперс К. Общая психопатология. М., 1997. С. 166.
18. Levinas E. La Temps et l’Autre. Paris, 1985.

* * *

1. Bodaljov A.A. Vosprijatie i ponimanie cheloveka chelovekom. M., 1982.
2. Buber M. Ja i Ty / per. s nem. Ju.S. Terent'eva, N. Fajngol'da. M.: Vyssh. shk., 1993.
3. Gegel' G.V.F. Jenciklopedija filosofskih nauk. T.3: Filosofija duha. M.: Mysl', 1977.
4. Gijom G. Jazyk i ego porozhdenie // Principy teoreticheskoj lingvistiki. M.: Kul'tura, 1992. S. 135 – 136.
5. Gurevich P.S. Problema identichnosti cheloveka v filosofskoj antropologii // Voprosy social'noj teorii. 2010. T. IV. S. 64 – 87.
6. Dzhems U. Lichnost' // Psihologija samosoznanija: hrestomatija. Samara, 2000. S. 7–45.
7. Kon I.S. V poiskah sebja: lichnost' i ejo samosoznanie. M.: Politizdat, 1984.
8. Korepina N.A. Jazykovaja realizacija funkcional'no-semanticheskoj kategorii samosti: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Irkutsk, 2009.
9. Korchak A.S. Problema «Drugogo Ja»: filosofsko-metodologicheskij analiz: dis. ... kand. filos. nauk. Ivanovo, 2003.
10. Krys'ko V.G. Slovar'-spravochnik po social'noj psihologii. SPb.: Piter, 2003. S. 81 – 82.
11. Kutyrev V.A. Filosofija inogo, ili Nebytijnyj smysl transmodernizma // Voprosy filosofii. 2005. № 12. S. 3–19.
12. Levinas Je. Diahronija i reprezentacija (Diachronie et representation): doklad, prochitannyj Je. Levinasom 20.10.1983 v universitete g. Ottavy (Kanada) v ramkah konferencii «V poiskah smysla», posvjashhennoj tvorchestvu Rikera [Jelektronnyj resurs]. URL: http://slovari.yandex.ru (data obrashhenija: 25.04.2011).
13. Lotman Ju.M. Kul'tura i vzryv // Semiosfera. SPb.: Iskusstvo SPB, 2000.
14. Nalchadzhjan A.A. Ja-koncepcija // Psihologija samosoznanija: hrestomatija. Samara, 2000. S. 333–393.
15. Nikishina T.Ju. Problematizacija kommunikativnoj funkcii jazyka i stolknovenie modal'nostej teksta // Novoe literaturnoe obozrenie. 2011. № 108 (2). S. 523 – 531.
16. Jung K.-G. Lichnoe i sverhlichnoe, ili kollektivnoe bessoznatel'noe // Psihologija bessoznatel'nogo. Minsk, 1993. C. 103 – 114, 240 – 244, 246–249.
17. Jaspers K. Obshhaja psihopatologija. M., 1997. S. 166.

Other-image in the structure of linguistic personality as a problem of communication

The article deals with the features of the Other-image in the structure of linguistic personality in comparison with the related concepts of self-image, my other I,I the Other. It is stated that I and the Other are interpenetrating phenomena of objective reality as far as they interact in communicative activities. Other-image is an important component of a communicative act: it is the basis for the unified communication centreof interaction and the formation of all possible Iof a personality that develop in interrelations with the Other I.

Key words: *category of otherness, Other-image, interaction I – the Other, Other-in-I, unified emotional and communicative centre.*

(Статья поступила в редакцию 27.01.2017)

Е.С. КУЛАКОВА
(Тюмень)

КОННЕКТОРЫ ДИСТАНЦИРОВАНИЯ КАК ПРИЗНАК ПОЛИФОНИИ

Анализируются особенности функционирования коннекторов дистанцирования в современной французской речи. Рассматривается роль метакоммуникативных элементов в структурированности текста, представлены четыре разновидности непарафрастического переформулирования в зависимости от степени дистанцирования. Выявляется связь коннекторов дистанцирования с полифонией голосов субъекта речи.

Ключевые слова: *дистанцирование, метатекст, коннектор, переформулирование, полифония.*

Целью статьи является описание особенностей функционирования коннекторов дистанцирования, одной из четырех групп коннекторов непарафрастического переформулирования, которые остались без должного внимания в отличие от коннекторов, которые маркируют интерактовые отношения аргументативного типа. Согласно гипотезе, лежащей в основе данной работы, употребление коннекторов дистанцирования свидетельствует о наличии в высказывании полифонии. Объектом нашей работы служат коннекторы дистанцирования, а в качестве предмета исследования выступают контексты их употребления в современной французской речи. Материалом исследования послужили монологические печатные тексты аналитического характера и диалогические тексты интервью на французском языке. В данном исследовании мы опираемся на концепцию иерархической и функциональной организации речевого взаимодействия, разработанную лингвистами Женевского университета.

Важную роль в организации текста, его структурированности и связности играет метатекст [8, с. 90]. Несмотря на то, что метакоммуникативные элементы не вносят ничего нового в содержательном плане, они являются не менее информативными, чем эксплицитное содержание высказывания [5]. Именно они позволяют прояснить смысл высказывания, отношение к нему субъекта речи, которое зачастую и для самого говорящего становится ясным только в процессе порождения речи. В особенности это характерно для спонтанной, неподготовленной речи, когда наблюдаются параллельное порождение мысли и формирование отношения к ней. Как отмечал Г. Гийом, «по природе сознание склонно к использованию языка для выражения мысли, которую надо сообщить кому-то, или даже для ее прояснения самому себе» [3]. Следовательно, коммуникация направлена не только на собеседника, но и на самого субъекта, т. к. все, что субъект говорит своему собеседнику, он говорит и самому себе [1, с. 26].

При этом нам представляется важным отметить возможное наличие дистанции между замыслом, мыслью и речевым произведением. Е.С. Кубрякова справедливо утверждает, что замысел речи не всегда равнозначен «мысли как психическому образованию, постепенно рождающемуся на основе замысла» [6, с. 27]. Ведь отношение к предмету речи может и поменяться в процессе, в случае, например, если ранее сформулированная мысль представляется говорящему ложной или несоответствующей действительности, что противоречит максиме качества Грайса [4], согласно которой высказывание не должно содержать ложных утверждений [9, с. 50], в нем должна сообщаться истина. Таким образом, говорящий, превра-

© Кулакова Е.С., 2017